

Королевство Цинъюэ, императорский кабинет.

Струился сандаловый дым, но он не мог разогнать гнетущую атмосферу, заполнившую комнату. Правитель Цинъюэ, мужчина средних лет с величественным, но изможденным лицом, сидел за массивным столом из красного дерева. Стол был завален донесениями — сплошь дурные вести о пограничных стычках, бунтах беженцев и пустой казне. Он нахмурился, бессознательно выстукивая пальцами по столешнице глухой ритм.

Чи Чжао сидел внизу на стуле, обитом мягким шелком, сохраняя расслабленную позу. Он уже сменил белоснежные одежды, пропитанные миазмами горного хребта Лохунь, на водного цвета придворное платье. Подол украшала изысканная вышивка в виде серебристых сплетающихся лотосов, подчеркивающая его кожу, белую, как снег, и черты лица, подобные живописи. Он неспешно подрезал миниатюрными серебряными ножницами с инкрустацией из драгоценных камней листья цветущей орхидеи Плачущая кровь. Ее лепестки, алые, словно кровь, источали приторный, дурманящий аромат.

— Чжао-эр, — правитель Цинъюэ наконец нарушил молчание, и в его голосе прозвучала едва уловимая хрипота, — инспектор из Южных земель... прибудет в столицу со дня на день.

— О? — Чи Чжао не прервал своего занятия. Серебряные ножницы с тихим щелчком отсекали слегка скрученный лист. Он поднял глаза, длинные ресницы дрогнули, словно крылья бабочки, а в глубине глаз промелькнуло умеренное любопытство, смешанное с детской наивностью. — Отец имеет в виду... того самого господина из Высшего мира?

— Именно так. — Правитель тяжело вздохнул, и его брови сошлись еще плотнее. — Эта инспекция — дело нешуточное. Говорят, посланник обладает особым статусом: он представляет волю супруги Владыки Южных земель, главной госпожи клана Лин.

При упоминании супруги Владыки и главной госпожи клана Лин его голос невольно стал тише, прозвучав с оттенком глубокого почтения и бессилия. Лин Сяотянь, Владыка Южных земель, был абсолютным правителем пяти государств Юга континента Тяньло и бесчисленных сект; его власть была подобна божественной. А его супруга, таинственная особа из Высшего мира, обладала статусом и влиянием столь непостижимыми, что они висели над пятью странами, словно дамоклов меч.

— Главная госпожа клана Лин... — Чи Чжао тихо повторил этот титул и наконец замер. Он опустил взгляд, и густые ресницы скрыли ледяной блеск, на мгновение вспыхнувший в глубине его глаз. Тот холодный, величественный отголосок закона, который он ощутил в сердце Демона Пожирателя Сердец в глубинах гор Лохунь... кажется, теперь у него появился смутный адрес.

— Да, — правитель не заметил перемены в дочери и продолжал погружаться в свои тревоги. — Раньше инспекции были лишь формальностью. Но в этот раз... посланник особо подчеркнул, что будет детально проверять способности и характер молодого поколения каждой страны. Особенно детей королевской крови.

Он посмотрел на Чи Чжао с противоречивым выражением: в нем читалась отцовская любовь, но гораздо больше — невыразимая тяжесть и пристальное внимание.

— Чжао-эр, ты обладаешь врожденным очарованием, твоя красота несравненна, и это дар небес. Но отец боится... что если посланник использует это как предлог, чтобы придрататься...

Он не договорил, но Чи Чжао все понял. В глазах праведных совершенствующихся врожденное очарование было проклятием, источником бед и демонической преградой, сбивающей с пути. Особенно сейчас, когда принцесса с такой сомнительной репутацией могла стать для посланника идеальным поводом, чтобы надавить на Цинъюэ или даже развязать конфликт.

Едва заметная, холодная улыбка скользнула по губам Чи Чжао, столь быстрая, что ее невозможно было уловить. Он отложил ножницы, поднял лицо, способное затмить звезды, и в его глазах тут же затуманилась дымка, пропитанная обидой и недоумением:

— Отец боится, что Чжао-эр принесет беду Цинъюэ? Чжао-эр с малых лет строго следовал правилам дворца, никогда не совершал ошибок, и это так называемое очарование — вовсе не мой выбор...

Голос его звучал мягко и мелодично, с едва слышными всхлипами, способными растопить даже каменное сердце.

— Глупый ребенок, отец совсем не это имел в виду! — Правитель смягчился и поспешил успокоить его. — Я просто... просто беспокоюсь о тебе. Тот посланник из Высшего мира капризен и непредсказуем. Чжао-эр, в эти дни будь крайне осторожен в словах и поступках. Без необходимости не покидай дворец, не выходи наружу и уж тем более... не показывай ничего необычного.

Он выразительно посмотрел на чересчур странные глаза Чи Чжао.

— Чжао-эр понял. — Чи Чжао послушно кивнул, опустив ресницы, чтобы скрыть океан ледяного расчета. Посланник из Высшего мира... воля госпожи клана Лин... проверка характера королевских детей...

Интересно.

Резиденция Владыки Южных земель, Обсерватория.

Это было место, ближе всего расположенное к небосводу во всех Южных землях. Высокая платформа была построена из странного материала, который не был ни золотом, ни нефритом, но мерцал, словно звезды, и уходила прямо в облака. Стоя здесь, можно было почувствовать

себя посреди бескрайней галактики, где мерцающие звезды и звездные потоки казались доступными для прикосновения. Огромная энергия неба и земли здесь была настолько густой, что казалась осязаемой, а каждое дыхание было наполнено ритмом созвездий.

Лин Му, как всегда, был в черном одеянии с серебряным узором и стоял на краю обсерватории, заложив руки за спину. Ночной ветер трепал его черные волосы и холодные полы одежды, но не мог даже пошатнуть его. Он был подобен вечному леднику, слившемуся с бескрайним звездным морем.

Перед ним висел огромный экран, сотканный из чистого звездного света. В нем отражалось не движение звезд, а сцена в кабинете императора Цинъюэ! Изображение было кристально чистым: видны были и нахмуренные брови правителя, и изящный изгиб пальцев Чи Чжао, подрезающего цветы, и ледяной блеск, промелькнувший в его глазах. Тонкая дымка слез и выражение обиды под сиянием звезд казались такими... постановочными.

Бездонные черные глаза Лин Му, словно самый точный магический инструмент, были прикованы к фигуре в водном платье. Его взгляд пронзал эту жалкую маскировку, словно падал прямо на холодную, расчетливую душу, скрытую под этой оболочкой.

Когда Чи Чжао своим дрожащим, обиженным голосом произнес: Чжао-эр с малых лет строго следовал правилам дворца, никогда не совершал ошибок, — лицо Лин Му, подобное ледяной скульптуре, лишённое эмоций, едва заметно, почти неуловимо дернулось. Это не была улыбка, скорее произвольная мышечная реакция на нечто до крайности примитивное, но неожиданно забавное.

Он медленно поднял правую руку, и его тонкие холодные пальцы коснулись опущенных ресниц Чи Чжао на экране.

— Хм...

Тихий, холодный, пропитанный невыразимым интересом и жадой контроля звук разнесся по безмолвной обсерватории.

— Маленький лжец.

С этим звуком на кончиках его пальцев заструился серебряный свет, еще более чистый и холодный, чем звездный. Он словно обрел жизнь, превратившись в тонкий, почти невидимый глазу поток света, который в мгновение ока преодолел бесконечное расстояние, игнорируя запреты и защитные формации дворца Цинъюэ. Он бесшумно влился в экран и точно запечатлелся на слегка дрожащих ресницах Чи Чжао.

Императорский кабинет, дворец Цинъюэ.

Чи Чжао, который опустил глаза, играя роль послушной и слабой принцессы, внезапно застыл!

Невыразимый холод, будто ледяная серебряная игла пронзила душу, нахлынул без предупреждения! Этот холод пришел не извне, а ударил прямо в самую глубину его сознания, неся в себе абсолютное, не терпящее возражений клеймо — холодное, четкое, полное предупреждения и... собственничества.

Это Лин Му!

Чи Чжао резко поднял голову, и глаза, еще секунду назад полные слез, мгновенно стали острыми, как лезвия. В их глубине вспыхнуло ледяное пламя, устремленное в пустоту, словно он пытался пробить пространство и столкнуться взглядом с тем, кто наблюдал за ним из обсерватории.

Рука, лежащая на коленях под широким рукавом, сжалась в кулак. Ногти глубоко впились в ладонь, причиняя острую боль, но она была ничем по сравнению с унижением и... возбуждением от ледяного клейма в глубине души!

— Отец, — произнес он, и в голосе все еще слышалась едва уловимая дрожь, но уже не от притворства, а от попытки подавить бушующие внутри эмоции, — Чжао-эр... внезапно почувствовал себя нехорошо, позвольте мне удалиться.

Правитель Цинъюэ, поглощенный мыслями о посланнике, не заметил перемены в дочери, решив, что она просто испугалась, и поспешно махнул рукой:

— Иди, иди, отдохни как следует. Не думай ни о чем, пока я здесь, все будет хорошо.

Чи Чжао поднялся и грациозно поклонился, его движения все еще были безупречны. Однако, повернувшись спиной к правителю и направляясь к выходу, он сбросил с лица всю маску. На смену ей пришло выражение, в котором смешались предельный холод, чудовищная жажда убийства и почти жгучее возбуждение, вызванное тем, что его нашла добыча, столь могущественная, что от одного этого бросало в дрожь.

Его губы беззвучно сложились в слово, адресованное вездесущему ледяному взгляду, слово, которое мог слышать только он сам, пропитанное запахом крови:

— Жди.